

С. Н. Терпигорьев

Марфинькино счастье

(Повесть)

(Посвящается Д. В. Григоровичу)

Русские повести XIX века 70-90-х годов. Том первый

М., ГИХЛ, 1957

OCR Бычков М. Н.

I

Верстах в семи или восьми от нас была деревня Чибисовка, принадлежавшая господам Чибисовым, -- всего дворов двадцать -- тридцать. И от нас, да и вообще, Чибисовка была как-то в стороне. Чтобы попасть туда, надо было ехать нарочно, и только туда, потому что в эту сторону и за Чибисовку на далеко не было никого помещиков: тянулись какие-то казенные земли, земли государственных крестьян и огромная, тысяч в тридцать десятин, Гагаринская степь, которую держали в аренде купцы братья Буданцевы. Там, подстепи, были у них хутора со скворешнями на высоких-высоких шестах, ходили гурты быков и громадные, мохнатые, собаки, гремевшие цепями и лаявшие на проезжающих каким-то особенным, хриплым голосом. Все это я помню еще маленьким, когда нам приходилось куда-то проезжать по этой степи, мимо хуторов, быков и этих огромных, мохнатых собак, кидавшихся на нас и гремевших цепями.

Жара. Полдень. Мы едем в карете шестериком, с форейтором, по этой необозримой, ровной степи. Там и сям виднеются гурты быков. Стоят отпряженные повозки с пучками ковыля у козел -- эмблема степи; возле спутанные лошади щиплют траву. Тут же прасолы развели огонь и в котелке варят кашу. По ветру тянет -- пахнет дымком... В карете сидят матушка, гувернантка, а между ними -- сестра Соня. Против них сидят нянька Устинья и Евпраша горничная, а между ними я сижу. На козлах сидит кучер Михей и рядом с ним наш выездной лакей Никандр. Впереди скачет форейтор Андрюшка, одетый кучеренком, человек лет тридцати пяти, но по причине своего малого роста кажущийся совсем еще мальчиком, -- первый форейтор в околоте. Мы видим только спины Михея и Никандра, Андрюшку мы не видим -- его мы можем видеть только на поворотах, когда он заскакивает со своими лошадьми направо или налево, куда поворачивает дорога... Матушка ужасно боится быков, как бы они не вскочили и не кинулись на нас, и потому, если гурт улегся близко от дороги или совсем лежит на ней, Михей едет шагом. По матушке и мы трусим, с боязнью смотрим на огромных сизо-дымчатых быков с разлатыми, громадными рогами, спокойно лежащих и жующих.

-- Рога-то какие... ах, страсть! -- говорит матушка и даже зажмуривается со страху или отворачивается в другую сторону. Но и там, по другую сторону дороги, лежат такие же огромные сизые быки, с такими же страшными рогами.

-- Да ведь они лежат смирно, -- говорю я, желая показать, что я их не боюсь, а у самого душа уходит в пятки.

-- Да, лежат... А когда вскочат, тогда ты куда денешься? Увидят что-нибудь красное, им покажется, что это кровь, и кинутся...

И все это место, долго -- иной гурт растянется чуть не на версту -- мы едем шагом.

-- А отчего же они кинутся, если ехать рысью? -- опять начинаю я.

-- Почему же я знаю -- ты спроси их, -- говорит матушка. -- Раз на "дядю Яшу" кинулись же, когда он ехал мимо гурта с колокольчиком.

-- С колокольчиком, а ведь мы без...

-- И без колокольчика -- все равно -- могут кинутся... Ах, тогда Яков Дмитриевич рассказывал -- и страх только, -- обращается она к гувернантке: -- услышали они колокольчик, ночью это было, ночь лунная, они все повскакали и бегут. Он едет, а они -- целый гурт -- по бокам бегут. Да так версты три за